

Владимир Зангиев

*Сугубо
мужская
история*

Очерки, рассказы, миниатюры

Владимир Зангиев

**Сугубо мужская история.
Очерки, рассказы, миниатюры**

«Издательские решения»

Зангиев В.

Сугубо мужская история. Очерки, рассказы, миниатюры /
В. Зангиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838845-3

В этом сборнике собраны очерки, рассказы, миниатюры, многие из которых печатались в разных изданиях России и стран зарубежья.

ISBN 978-5-44-838845-3

© Зангиев В.
© Издательские решения

Содержание

Корочка хлеба	6
Помни имя своё	7
Элвис	12
Русалка и падший ангел	16
Позднее раскаяние исламиста	21
Чечня продолжает крушить душу...	23
Чупакабра	28
Спецпохороны в августе 42-го	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сугубо мужская история Очерки, рассказы, миниатюры

Владимир Зангиев

© Владимир Зангиев, 2017

ISBN 978-5-4483-8845-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Корочка хлеба

На улицах чилийской столицы Сантьяго встречается много всяких попрошаек и нищих. Один такой бездомный старик жил и возле моего дома. Убежищем ему служила картонная коробка. А если шёл дождь, старик просто набрасывал поверх своего ложа драный кусок полиэтилена и под этой крышей спасался от низвергающихся с неба осадков. Бездомный был грязен и вонюч, но всегда со всеми доброжелательно здоровался. Жители давно привыкли к бомжу. Сколько лет старик обитал в этом месте – не знаю, ибо когда я поселился здесь, нищий уже присутствовал на улице. Казалось, он никогда не покидал своего места, потому что, когда я уходил на работу, бродяга из своего угла с располагающей улыбкой желал доброго утра. Вечером, по возвращении домой, я слышал вслед доносящееся: добрый вечер, сеньор!

Иногда, если у меня оказывалась мелочь в кармане, бросал её в жестяную банку, которая всегда находилась подле картонного «жилища» нищего. И тогда он долго благодарил вдогонку: спасибо, сеньор!.. вы так добры!.. пусть господь ниспошлёт вам благодать!.. да будут счастливы ваши дети!..

Район, где я проживал, не был богатым и простые чилийцы, обременённые традиционно большими семьями, не всегда могли оторвать кусок насущный от своих детей. Поэтому нищему старику подавали негусто. Ему бы устроиться в каком-нибудь богатом районе Сантьяго, но там карабинеры не позволяли размещаться нищим и прогоняли их прочь. Хотя простые бедные люди всегда сердобольнее и душевнее богачеев. Так, если у них не было монет, люди подавали нищему кусок хлеба, банан либо какой-то другой плод. Тем и существовал бедняга. Случались дни, когда совсем ничего не подавали, тогда он рылся в ближайшей помойке в поисках пропитания.

Мне с моей веранды хорошо была видна вся улица. И я заметил: укладываясь на ночлег в своей коробке, старик рядом на земле обязательно оставлял корочку хлеба. Из любопытства как-то я спросил:

– Зачем же ты оставляешь всегда корочку хлеба, ведь сам нуждаешься в ней?

Бездомный ответил:

– Христос нас учил, что надо делиться со страждущими. Вот я и оставляю корочку хлеба тем, кому она более необходима, чем мне. Когда птицы её склюют, а то бродячая собака подберёт или крыса утащит. Они живые существа и братья наши меньшие. И им гораздо труднее, поскольку не могут попросить, как я...

А однажды утром я увидел, как над тем местом, где обитал в коробке нищий, заволокло, будто её кто-то вспугнул, кружится голубиная стая и никуда не улетает. Самого старика не было видно, не было и его коробки. И только дворник заметал последний мусор, оставшийся после пребывания здесь бича.

– Наверное бедолаге надоела такая убогая, впроголодь жизнь, и он покинул неудобное место, – подумал я. – Но, проходя мимо дворника, поинтересовался куда делся старик.

– Он умер нынешней ночью! – был ответ.

После этого улица будто осиротела. Никто больше не улыбался навстречу и не желал доброго утра или вечера. Улица теперь казалась неудобной, угрюмой и покинутой. А через некоторое время я сменил работу и съехал со снимаемой мною квартиры и перебрался в более благополучный район города. Тем и закончилась вся эта поучительная история, после которой я по-другому стал воспринимать окружающий мир и милосерднее относиться к его обитателям. На балконе своей новой квартиры я приладил кормушку для птиц и всегда держал её наполненной зёрнышками или хлебными крошками.

Помни имя своё

ПОЖЕЛТЕВШИЕ СТРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ПОРОЙ ОТКРЫВАЮТ НАМ ТАКИЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ДЕТАЛИ ИЗ ЖИЗНИ ПРЕДЫДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ, ЧТО, ОЗНАКОМИВШИСЬ, НЕВОЛЬНО ПРОНИКАЕШЬСЯ К НАШИМ ПРЕДКАМ УВАЖЕНИЕМ, ПОЧТЕНИЕМ, ЛЮБОВЬЮ И... БОЛЬЮ. ВСЕ ЭТИ ЧУВСТВА Я СПОЛНА ИСПЫТАЛ, ПОЗНАКОМИВШИСЬ С СЕМЕЙНЫМ АРХИВОМ ТАТЬЯНЫ ДМИТРИЕВНЫ КОРЕНЕВОЙ, КОТОРАЯ ПРОЖИВАЕТ В СТАНИЦЕ САРАТОВСКОЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ.

*СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ... КАКИЕ УМНЫЕ, БЛАГОРОДНЫЕ, ПОЛНЫЕ ДОСТОИНСТВА ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЕ ЛИЦА!
ВСЛУШАЙТЕСЬ В РАССКАЗ ТАТЬЯНЫ ДМИТРИЕВНЫ.*

СОН

Помещение казарменного типа – длинные ряды коек, стандартные серые одеяла, одинаковые, небрежно стриженные наголо детские головы... Кругом грязь, вонь, вши, чесотка. Неопрятные, циничные беспризорники, грубые воспитатели. И среди этого Содома – она – скромная, испуганная 12-летняя девочка, вырванная из благополучной жизни по злому стечению обстоятельств, лишённая крова и семьи. Ночами ей снится один и тот же сон: улыбающаяся мама, строгий отец, родной Ставрополь...

На календаре 1937 год.

Их детский дом находится в чужой заброшенной деревеньке в далёкой Саратовской области. Привезли её сюда в автомобиле суровые чужие дяди в военной форме с синими околышами в фуражках. Гораздо внушительнее её тощего узелка с пожитками выглядит «дело», лёгшее на зелёное сукно массивного стола заведующего детским домом. На его обложке с ярко-красной полосой наискось отчётливо пропечатано: «По путёвке НКВД»...

Может, всё это продолжение какого-то непонятного кошмарного сна? С чего же всё началось?

...Таня Коренева, как обычно, после занятий в школе спешила домой, напевая весёлую детскую песенку. Толкнула дверь, но та почему-то, как обычно услужливо, не поддавалась. Девочка нетерпеливо постучала. В ответ – тишина. Тогда она забарабанила ножкой. Из-за двери раздался незнакомый грубый голос:

– Кого ещё там несёт?

Таня неуверенно пропищала:

– Это я – Таня.

За дверь послышалось:

– Там, кажется, дочка хозяев пришла.

Зашёлкал ключ в замке, и за отворившейся дверью возник огромный человек в серой шинели с винтовкой в руке. От него исходил неприятный чужой запах не то хрена, не то редьки, как от уличного дворника дяди Прокопия – вечно взлохмаченного и неуверенно пошатывающегося при ходьбе. В сердце маленькой девочки вкралось незнакомое чувство большой тревоги, она испуганно вбежала в залу и опешила: её папа понуро сидел за столом, обхватив голову руками, а мама, скорбно поджав губы и опустив потухший взор, стояла у окна – чужая и незнакомая. Домработница Ефима Васильевна сухими старушечьими пальцами нервно теребила бахрому наброшенной на плечи шали.

В комнате на полу в непривычном беспорядке валялись разбросанные рукописные и печатные листы, книги, вещи. Какие-то незнакомые люди в военной форме и гражданские бесцеремонно рылись в мебели, безжалостно вспарывали её обивку и матрацы.

Таня бросилась к маме и ткнулась лицом в материнскую грудь. Но тут же грубые чужие пальцы крепко схватили девочку и потянули от матери. Её усадили отдельно на стул в другой стороне комнаты. Она не плакала – она запоминала...

Обыск продолжался всю ночь. Комнаты опечатывались. Когда, наконец, остались столовая, мамина спальня и комнатка Ефимы Васильевны, человек, распорядившийся всей процедурой, скомандовал:

– Всё! Гражданин Коренев, вы поедете с нами.

Отец девочки спросил:

– Вы мне разрешите проститься с семьёй?

Начальник нетерпеливо ответил:

– Прощайтесь, только скорее.

Таня на всю жизнь запомнила непривычно грустные глаза отца, его тихий голос: «Помни, дочь, твой отец ни в чём не виноват». Это были его последние слова, которые слышала Таня.

Через полторы недели забрали маму – она пришла домой с покупками, а домработница передала ей засаленный клочок газетной бумаги, на котором было неровно написано: «Срочно явиться в управление НКВД, каб. №...» На следующий день Ефима Васильевна сказала:

– Танечка, теперь у тебя нет больше мамы...

После ареста родителей Таня осталась вдвоём с Ефимой Васильевной. Через несколько дней после исчезновения хозяйки к дому подкатил легковой автомобиль, из которого вышли уже знакомый мужчина в униформе, так бесцеремонно распорядившийся в чужом доме во время обыска, и вульгарно разодетая женщина. С уверенностью хозяев они направились в дом Кореневых. Своим ключом открыли замок, вошли. Офицер с равнодушным видом сорвал печати с опечатанных комнат. Его спутница, не скрывая, восторгалась чистотой, обстановкой, посудой, коврами... И тут вдруг её глазам предстали иссушенная годами старушенция и заплаканная девочка. Старушка тихо промолвила:

– Вы, видимо, хотите здесь поселиться? А куда деваться нам? Эта девочка – дочь доктора Коренева.

Особа брезгливо отшатнулась и позвала офицера:

– Посмотри! Здесь ещё какая-то дочка объявилась.

Мужчина смерил девочку недобрым взглядом и процедил:

– Я всё улажу.

А к вечеру Таня уже находилась на Бибердовой даче, где расположился ставропольский детприёмник НКВД.

Ефиму Васильевну в тот же день выгнали из дома, как не имеющую оснований в проживании на данной жилой площади. Её приютили добрые люди здесь же, в Ставрополе.

СЕМЬЯ

Дмитрий Алексеевич Коренев ветвь своего родового древа вёл от калужских дворян и священнослужителей. Ещё до первой Мировой войны закончил два факультета Московского императорского университета – терапевтический и невропатологический. С войны вернулся в чине полковника медицинской службы.

К 1937 году Д. Коренев являлся директором Ставропольской малярийной станции и заведовал инфекционным отделением краевой больницы. Кроме того, у него была колоссальная частная практика – утром и вечером возле его дома на улице Станичной (в последствии Жданова) толпились больные, которые ехали со всего края «к бородатому дохтуру на приём». Док-

тор был весьма известен в крае, пользовался авторитетом, семья жила зажиточно, дом – полная чаша.

Супруга Антонина Ивановна, в девичестве Перепеловская, происходила из семьи аптечного провизора. Она окончила Ставропольское патриархальное училище (женскую гимназию) и была всю жизнь, как в то время говорили, женщиной буквы «К» – kirhen, kinder, kuchen (церковь, дети, кухня).

С середины 30-х годов семья доктора Коренева приютила старушку-приживалку. Её звали Ефима Васильевна Кочеткова. Она была монашкой, но когда началось тотальное разорение церквей и монастырей, старушка оказалась выброшенной на улицу, лишённой средств к существованию. Она имела добрый, кроткий характер, была трудолюбива. В новой семье к ней быстро привыкли и полюбили.

Единственная дочь Кореневых Таня училась в школе. 37-й принёс в эту благополучную семью бесконечное горе и разорение.

СКИТАНИЯ

Основная масса детдомовцев – беспризорные дети рабочих и крестьян, лишившиеся родителей в результате гражданской войны либо многочисленных голодовок. Это были дерзкие, неуправляемые дети подворотен. В детском доме главенствовала стайка малолетних преступников, которых побаивались даже воспитатели. Из сотни воспитанников лишь шестеро имели путевки НКВД, т.е. являлись отпрысками «врагов народа». Эти дети качественно выделялись из всей массы – они были вырваны из хороших семей, и они же чаще всего оказывались жертвами в жестоком мире детской неуправляемости.

Одна из пожилых воспитательниц, наделённая даром милосердия, взяла шестерых беспомощных в мире насилия сирот под свою неусыпную опеку, позаботилась, чтобы их разместили в отдельной комнатухе, и стала добиваться перевода этих детей в показательный детский дом. Так вскоре Таня Коренева оказалась в детдоме №1 «Красный городок» города Саратова. Здесь был порядок. Воспитанники учились в обычной общеобразовательной школе, занимались в различных кружках – духовых инструментов, хореографическом, рукоделия, пения. Когда в город наезжало высокое начальство, ответственных лиц обязательно тешили концертными программами, подготовленными силами детдомовцев. По окончании самодеятельного концерта гости умилённо сморкались в клетчатые платочки, а малолетние артисты громко скандировали:

– Спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь!

...В детдоме Таня Коренева закончила 8 классов и поступила в Саратовский геологоразведочный техникум. Отучилась один курс и в начале июня 1941 года на каникулы приехала к бабушке по материнской линии Анне Лукиничне Маевич (в девичестве Перепеловской), которая жила в станице Саратовской Краснодарского края, где заведовала аптекой.

Судьба Анны Лукиничны сложилась трудно. Родилась она на Ставрополье в семье казачьего сотника. В прежнее время с отличием окончила женскую гимназию, затем в Харьковском университете – фармацевтический факультет и работала провизором в Екатеринодаре в аптеке Сенкова (угол улиц Гоголя и Красной). Там же работал щеголеватый поляк Владислав-Ян Войцехович Маевич, который вскоре стал её мужем. Маевич был польский дворянин (шляхтич). Согласно майората, правом наследования имущества обладал старший сын, каковым Владислав-Ян не являлся. Поэтому ему необходимо было самостоятельно прокладывать дорогу в жизни. Он уехал в Россию, выучился на фармацевта и остался в приютившей его стране.

Когда началось время раскулачивания, репрессий и коллективизации, чета Маевичей лишилась работы в Екатеринодаре. Положение усугублялось их непролетарским проис-

хождением. В поисках работы они попали в станицу Саратовскую, где им предложили открыть аптечный пункт. Так в начале 30-х годов здесь появилась аптека, заведовал которой Владислав-Ян.

К тому времени в родной станице Анны Лукиничны – Бекешевской на Ставрополье события разворачивались в жанре постсоциалистического реализма. Стало известно, что её отец – казачий сотник Лука Григорьевич Перепеловский, брат Александр Лукич – сотник Терского казачьего войска и дядя (брат отца) Пётр Григорьевич – тоже казачий офицер, что все они боролись с советской властью и все трое бесследно канули в горниле гражданской войны. За это по голове не гладили, за грехи мужчин расплачивались всей семьёй. Поэтому мать Анны Лукиничны с двумя младшими дочерьми во избежание неприятных осложнений в отношениях с

новой властью добровольно оставила все принадлежащие семье земельные наделы.

С этих пор они стали лишенцами, т.е. людьми, лишёнными права голоса и многих других гражданских прав.

После всего пережитого лишенцы нашли приют у Маевичей. Жили при аптеке, скромно, но дружно. В 1939 году умер от саркомы лёгких Владислав Александрович Маевич (так он именовался согласно новым советским документам). Похоронили его на станичном кладбище. Затем умерла мать Анны Лукиничны и сестра. Вторая сестра уехала и её след затерялся навсегда. Анна Маевич после смерти супруга стала заведовать аптекой.

...В станице Саратовской Таню застала начавшаяся Великая Отечественная Война. Несмотря на настоятельные просьбы бабушки остаться с ней, девушка отправилась в свой геологоразведочный техникум к подругам. Там сполна испытала тяготы военного времени – недосыпание, недоедание, холод, тяжкий физический труд на рытье окопов.

Затем была служба в 1-ом гвардейском зенитно-артиллерийском полку, демобилизация после войны и учёба в Краснодарском торговом училище. Была в её жизни и трудовая эпопея на Севере, и строительство газопровода в Закавказье. Когда вышла на пенсию, поселилась в станице Саратовской в доме скончавшейся в 1976 году бабушки Анны Лукиничны Маевич.

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

...Через 10 лет, прошедших после ареста родителей, Таня приезжала в Ставрополь. Там ей удалось повидаться и поговорить с бывшим врачом тюремной больницы, который поведал о последних днях её отца, прошедших в мрачных застенках НКВД.

Отцу инкриминировали попытку отравления питьевых водоёмов на Ставрополье. Заставляли подписать показания об участии в террористической организации. Через две недели пыток и избиений, 6 ноября он скончался. Это был волевой, мужественный человек...

С 1957 года Таня Коренева стала упорно рассылать запросы в различные официальные инстанции, чтобы установить судьбу и доброе имя своих родителей. Через два года ей выдали справки об их полной реабилитации. Но как заржавевшие двери казематов с трудом открываются, чтоб выпустить на свободу истомленных узников, так долгие ещё годы дочь собирала и восстанавливала по крупицам историю трагедии своей семьи.

Несмотря на то, что Д. Коренев был абсолютно физически здоров, в свидетельстве о смерти, выданном его дочери Т. Кореневой, указано, что причина смерти – грудная жаба.

...Дом известного врача после его ареста, видимо, приглянулся одному из участвовавших в обыске чинов. Но отобрать его у живых хозяев было непросто. И заботами «особой тройки» хозяйку дома подвели под расстрел, инкриминировав ей статью 58—10 УК РСФСР – антисоветская агитация и пропаганда.

Согласно документа, выданного дочери в 1959 г., её мать Антонина Ивановна умерла в лагере 24 мая 1941 г. от сердечной недостаточности. И только через полвека она узнала

правду о смерти матери. В справке К-193 от 20 февраля 1990 г. сказано: «Дополнительной проверкой нами установлено, что вашей матери, Кореновой Антонине Ивановне, 1897 года рождения, постановлением бывшей тройки УНКВД по Орджоникидзенскому краю от 16 декабря 1937 г. якобы за антисоветскую агитацию и пропаганду назначена высшая мера наказания. 16 февраля 1938 г. Коренева А. И. была расстреляна. О месте захоронения ваших родителей не располагаем. Назвать состав бывшей тройки УНКВД не представляется возможным в связи с отсутствием их данных в материалах... Начальник управления Теплинский».

НА ЗАКАТЕ

Давно уже Т. Коренева добивается возвращения имущества своих родителей, на что ей резонно отвечают, что, согласно документам, имущество конфисковано не было, а значит и возвращать ей нечего.

Чему удивляться? Возвращать долги у нас не любят. Да и не хотят.

Не вернуть и здоровья, растрченного в годы репрессий, войны и труда на восстановлении послевоенной разрухи. Не вернуть родителей, безвинно сгинувших в сталинских застенках. Остались лишь воспоминания да старые, пожелтевшие фотографии.

И ничего впереди...

Элвис

Он уже проснулся. Я слышу его возню за спиной: бумажное шуршание, стеклянное побрякивание, приглушённое покашливание. Солнце давно в зените, а он только поднимается с постели... нет, скорее с ложа, ибо постелью это не назовёшь. Я продолжаю поливать клумбу и делаю вид, будто его не вижу. Почему я не замечаю его? А потому что я – иностранец, белый, европеец. А он – местный абориген, индеец. И к тому же, выходец из побласьона, из самой низшей ступени общественной пирамиды. И он это чётко усвоил, выпитал с молоком матери. Он должен первым поздороваться и только после этого я могу себе позволить снизойти до его уровня и пренебрежительно проронить несколько любезных фраз. Иначе нельзя, я в этой стране гость и не мне рушить её вековые устои. И руки ему подать я не могу – этого уже не поймет патрон, тот, который даёт мне работу и кров. Для хозяина я хоть и обреро (работник), но белый иностранец, а значит загадка. Здесь на какой бы ступени общественной лестницы человек ни находился, всегда завидует европейскому происхождению иностранца. И я уже привык к постоянному повышенному вниманию к собственной персоне. Привык к тому, что должен держаться обособленно в местном обществе, ориентироваться на богатых, поддерживать с ними подобие дружбы, правда с некоторыми меркантильными умыслами с обеих сторон: с моей – как бы побольше сорвать суэльдо (оплата) и при этом поменьше трудиться, с их – загрузить меня по полной работами, не входящими в контракт, и при этом ухитриться возможно больше недоплатить мне. Что поделаешь, таковы здешние нравы.

– Буэнос диас, сеньор! – наконец раздается у меня за спиной весёлый хрипый голос.

– ОлЯ, Элвис! – равнодушно отвечаю я на приветствие, продолжая внимательно изучать водяную струю из шланга.

– Не правда ли, сеньор, сегодня прекрасное утро!

– Несколько жарковатое. Впрочем, уже и не утро вовсе, а день. Ты утро проспал, бэсино (сосед).

Индеец глупо улыбается и согласно кивает своей курчавой немытой шевелюрой:

– Это верно. Я вернулся домой только под утро.

Я откровенно ухмыляюсь про себя: и это он называет домом! Жалкий полиэтиленовый полог, натянутый под деревом в углу между столбом и сараем. Натаскал какого-то хлама с ближайшей помойки, соорудил себе ложе и радуется жизни как ребёнок. У него там даже телевизор есть. Я-то это знаю наверняка. Вон и провод-временку кое-как приладил к столбу и протянул к своему логову. Даже не удосужился замаскировать как следует. Я хоть и не подаю вида, но мне жалко Элвиса и поэтому вынужден не замечать, что он по сути дела крадет у меня электричество, ведь я здесь приставлен надзирать за порядком и должен докладывать хозяину о замеченных нарушениях. Ладно, в случае чего, оправдаюсь, мол, не ведал, не знал, не видел. Опять скажу, что в Европе не воруют и всё такое прочее. Хозяин поверит, для них тут эта сказка представляется действительностью.

– Дон Владимир, могу ли я вас попросить об одном одолжении? – доносится до меня из угла.

Я неторопливо скольжу взглядом в сторону вопрошающего. Элвис уже полностью выбрался из-под покрывавших его грязных лохмотьев и почти голый сидит на поломанном пластиковом ящике из-под пива. Его смуглое коротконогое тело прикрывают лишь широкие выцветшие неопределённого цвета шорты.

– Говори, я слушаю.

– Не могли бы вы полить на меня из шланга?

– Нет. Ты ведь знаешь, хозяин будет недоволен, если увидит. Иди, искупайся в бассейне, ты знаешь где он находится.

Небольшой бассейн, где воды – пониже колена, находится здесь же, в тридцати метрах выше по улице. Элвис ленив, как и все латиносы, ему лень подниматься и идти умываться. Он поколебался некоторое время и, всё же, сделав над собой усилие, нехотя поднялся и вразвалочку поплёлся к водоёму. Откровенно говоря, я брезгую в этом мутном отстойнике даже руку намочить. Вечно там болтаются какие-то потрёпанные типы, шелудивые уличные псы утоляют жажду, грязные индейские ребятишки в летний зной весело плескаются здесь, справляя большую и малую нужду прямо в воду.

Но у Элвиса, видимо, стойкий иммунитет против подобной заразы. Он не боится инфекции. С четверть часа латинос блаженствует среди зловония: плещется, хрюкает, полощет во рту...

Освежившись таким образом, возвращается к своему пристанищу. Скоро ему потребуются кушать, а еды, как всегда, у него нет про запас, её ещё предстоит заработать. Поэтому бездомный индеец отправляется на ближайшую помойку, привычно роется там, тщательно выискивая старые жестяные крышки, прохудившиеся ведра, тазики, сковородки, кастрюли..., обрезки шпагата либо тонкого электрического кабеля, какие-то деревянные бруски. Тяжело нагрузившись, всё это он притаскивает

в свой вонючий угол и начинает ладить импровизированное подобие эстрадных ударных инструментов: делает каркас из брусков и на него навешивает найденные крышки, кастрюли, тазики... Здесь же настраивает свой инструмент и репетирует.

В это время он так увлечён, что ничего не замечает вокруг, весь погрузившись в звуки. И такие джазовые импровизации выделяет на ржавых тазах и мятых кастрюлях! Заслушаешься. А голос!.. это уже вовсе не тот пропитый и каркающий, которым он пользуется в быту. Теперь звучит полноценный сценический баритон.

Элвис – музыкант, уличный профессиональный. Тем он живет и кормится. Иногда, в летние месяцы отправляется в турне на побережье – веселит отпускников на пляжах и бульварах Ла Серены, Вальпараисо, Вальдивии... Никого не интересует – кто он такой, как его настоящее имя. Элвис и всё тут. Прозвище напрочь сжилося с ним. В центральных районах Сантьяго многие слушатели так и знают его под этим именем.

А теперь тихо! Идет настройка инструмента. Звуки сплетаются в комбинации, рождая мелодичные аккорды. Сейчас Элвис – бог, нищий индейский уличный бог. На улицах чилийской столицы много уличных музыкантов, играющих на гитарах, на барабанах, на флейтах и трубах, даже встречал я играющего на арфе. Но Элвис – один. Только он может извлечь божественные звуки из помятых тазов и прогоревших сковородок.

Но вот репетиция закончена, в пустом желудке у «бога» начинает урчать – организм требует своё и надо подумать о хлебе насущном. И Элвис, взгромоздив на спину свою незамысловатую конструкцию, отправляется добывать пропитание. Он подмигивает мне на прощание и весело кричит: «Аста пронто! (До скорого!)».

Я небрежно киваю в ответ. Сам продолжаю возиться в клумбе с цветами и думаю о нём. Слухи разные ходят. Говорят, у него на юге Чили большая семья, есть дом и хозяйство... а раньше он работал на телевидении – вёл какую-то музыкальную программу...

* * *

А вечером Элвис еле притащился в свою лачугу. С какой-то измызганной подружкой. Без инструмента (значит завтра будет сооружать новый, у него это быстро получается – уже привык, поднаторел). То ли он её тащил, то ли она его – не разберёшь. Оба в стельку пьяные, либо обкуренные марихуаной. Тяжело опираются друг о дружку и так продвигаются. Физиономии расцарапаны в кровь, одежда измазана в свежей грязи. Ничего особенного – это их жизнь. Нам

не понять их, они не понимают нас. Вроде, как бы, сосуществуют разные параллельные миры, слегка контактируя друг с другом.

Утром, как всегда, я занят зелёными насаждениями: поливаю, выщипываю травку, рыхлю землю и прочее. Ближе к полудню Элвис тяжело выползает из-под полога, здоровается со мной и, взгромоздившись на свой ящик, принимается в осколке зеркала изучать ссадины на своей физиономии. Он нежно трогает засохшие царапины грязными потрескавшимися пальцами и сокрушённо прищёлкивает языком. Я сочувственно спрашиваю:

– Что, досталось тебе вчера?

– Да я совершенно не помню откуда у меня это взялось, – усмехается Элвис. – Помню, купили с друзьями пиво, выпили его. Потом пришли ещё двое. Мы угостили их. У них не было денег. Один говорит: «Я сейчас приведу женщин...» и ушел. Мы пили ещё что-то, кажется «Токорналь». Женщин привели двух... или трёх. Иностранки... из Перу... я выбрал самую красивую. А тот, который привёл их, всё время указывал мне на другую. Надоед, каямпа (поганый гриб). Затем... кажется я ушёл с ней... Карамба, точно не помню. Ладно, это не важно. Но откуда у меня эти царапины?

– А где твоя иностранка? – интересуюсь я. – Хоть бы познакомил с ней.

Элвис самодовольно улыбается и показывает большим пальцем за спину в свой закуток:

– Там, спит ещё.

Но затем спохватывается и, посерьёзнев, продолжает:

– Сеньор шутить изволит? Разве вам интересно знакомство с глупой индейской женщиной? Ваши белые женщины вон какие красивые: блондинки, голубоглазые. На меня такие и не смотрят.

– Не расстраивайся. Тебе хватает своих женщин, – успокаиваю я бродягу.

В это время под пологом зашевелился ворох тряпья, и из-под него выползло нечто человекоподобное. Но такое потасканное, грязное и вонючее, что человека признать в нём можно лишь с большим трудом. Да, гурманские чувства амурных отношений моего чилийского знакомого имели сугубо специфический оттенок. Красота перуанки выходила за рамки моего понимания о прекрасном. Но, как известно, о вкусах не спорят...

– Вот, Каролина, познакомься, этот сеньор русский, он мой друг, его зовут дон Владимир, – с гордостью показал на меня Элвис.

Каролина, раскрыв неопрятный щербатый рот, дебильно уставилась на меня. Некоторое время она бесцеремонно разглядывала представшее её взору создание, словно перед ней возникло какое-то диковинное экзотическое животное, а затем, вытянув заскорузлый указательный палец, спросила, обращаясь к Элвису:

– Это далеко отсюда... Русия?

– Да-да. Дальше, чем Перу. И даже дальше, чем Бразилия, – тоном знатока стал объяснять индеец.

– Как ваши дела, сеньор? – наконец решилась она задать мне традиционный у латиносов вопрос.

– Более или менее, – тоже традиционно ответил я.

Но до неё, кажется, не дошел смысл моего ответа, она просто трудно вникала в разгадку того, что какое-то непонятное ей существо из другого мира издаёт звуки на её языке. Это для бедняги было событием жизни. Я же понял, что на сегодня достаточно впечатлений для моей новой знакомой и на том беседа закончена. А посему, любезно кивнув на прощанье влюблённым, я спешно ретировался со своим садовым инвентарем вглубь территории.

* * *

Вчера патрон был очень недоволен, раздражен, темпераментно жестикулировал, разговаривая с проверяющим инспектором из муниципалитета. А сегодня выяснилось, что инспектор подал рекламацию на то, что наша улица захламлена мусором, не соблюдаются санитарные нормы. Теперь дону Мигелю придется платить мульту (штраф). Утром шеф вызвал меня к себе в офисину и уже обычным успокоившимся тоном прояснил ситуацию. Я заметил, в рядах его свиты царило непривычное оживление. Это уникальное событие для меня здесь – видеть, как напускающие на себя при мне важный напыщенный вид служащие-латиносы, кроме обычных пустых разговоров в рабочее время, заняты, наконец, хоть каким-то делом.

Одним из шагов по восстановлению санитарного порядка дон Мигель наметил: выдворение с подведомственной территории бездомного Элвиса. Моя задача – очистить угол от всего, что туда натаскал уличный музыкант. Мне жаль Элвиса, но я ничего не значу в этом мире, а ему уже объявили решение дон Мигеля. Бездомный заметно расстроен, беспорядочно суетлив, но хочет показать, будто ему всё нипочем. И тут я вполне понимаю его. Трудно покидать привычное обжитое место. Говорят, прожил он здесь года три или четыре. Теперь нужно искать новое пристанище. А это не так просто, ведь здесь не Россия. Каждый клочок земли имеет хозяина, который зорко следит за тем, чтобы никто не покусился на принадлежащую ему частную собственность. Что поделаешь – мир развитого капитализма!

Мы перебрасываемся с Элвисом ничего не значащими фразами. Да и чем я могу его сейчас утешить? Чилийцы, сами по себе, – народ, не поддающийся унынию. Живут настоящим моментом. Радуются тому, что имеют. Если же что-нибудь усложняет их жизнь – то просто надеются, что завтра будет лучше. И всегда готовы к веселью, шутке. Не зря здесь бытует такая поговорка. Когда чилийца в разговоре спрашивают в первый раз: как дела? Он радостно сообщает: всё хорошо! Дальше, во второй раз на данный вопрос он уже отвечает без улыбки: более или менее. В третий раз на этот же самый вопрос он срывающимся голосом признается, что дела дрянь, работу потерял, жена болеет, детей не во что одеть и т. д.

Таков их национальный менталитет. Народ малочисленный, но гордый. И когда чилийца спрашивают: «Вы местный?» Он с достоинством отвечает: «Soy chileno como porotos!» (Я чилиец словно поротос! – чилийская фасоль, из которой готовят национальные блюда). Поэтому я не успокаиваю Элвиса, а непринужденно интересуюсь:

– Куда теперь пойдешь?

Он беззаботно оскаливается желтозубой улыбкой и делает неопределённый жест рукой:

– Сантьяго – город большой, места хватит.

Дальше он деловито укладывает какое-то своё тряпье в огромный матерчатый узел, ещё что-то собирает в пару драных полиэтиленовых пакетов и на этом, видимо, сборы завершаются. Я не могу со спокойствием взирать на всё это, а посему углубляюсь в свои клумбы, но не выпускаю из поля зрения беднягу. Вот он напоследок тоскующим взглядом окидывает место, некоторое время служившее ему надежным пристанищем, и решительно отворачивается. До меня только доносится удаляющееся:

– Чао, русо. Кэ те вайа бьен! (Пока, русский. Желаю тебе всего хорошего!)

Русалка и падший ангел

– Опять двойку по алгебре схлопотал. Эта рыжая Марго невзлюбила меня за острый язык и расправляется при всякой возможности. Матушка снова будет скрипеть... – овеянный мутным туманом промозглых мыслей, тащился я домой после школы.

Вечер опустил серое покрывало, вокруг смеркалось, фонари на столбах изрыгали блёк-лую пока ещё желтизну. На железобетонной стене дома, мимо которого иду, в глаза бросаются пошлые надписи. Кто-то нарисовал обнажённую женщину в характерной позе, приготовленную для извращённого совокупления. Любопытно было бы взглянуть на того сексуально озабоченного субъекта, который свои творческие откровения воплощает подобным образом, расписывая окрестные стены и заборы... Вдруг из мира погружения в себя выдернул неожиданный глухой звук удара чего-то увесистого о землю за спиной. Инстинктивно оглядываюсь. На асфальте валяется огромный тук с барахлом. И следом с балкона второго этажа спрыгивают два мерзких типа с пистолетами. С тем, который оказался ближе, встретились взглядами. Расстояние между нами не более двух метров, а посему пускаться наутёк не имеет смысла. К тому же, взгляд холодных глаз незнакомца прямо парализовал, недоброе выражение дебильной физиономии не предвещает ничего хорошего. Сознание осенило очевидной догадкой: это грабители и они пребывают в «деле».

Урка живо приблизился, и я даже толком не успел испугаться, как тот размашисто саданул меня по темени рукояткой своего кольта. Дальше не помню... какой-то провал... и чувство бесконечного полёта в бездну...

+ + +

Ласковое солнце тёплой ладошкой нежно гладит по спине. Тело моё безвольно болтается в полосе прибоя, то есть, голову и верхнюю часть туловища волной вытолкнуло на сушу, а остальное полощется в набегающей и тут же откатывающейся воде. Прибрежный песок слепит отливающей позолотой. Благодать! Только голова тяжёлая, как с перепоя. Нет сил подняться.

Со стороны моря надвинулась тень, очертаниями напоминающая дистрофика с невероятно удлинёнными шеей и руками. Тень замерла, расположившись на песке поперёк меня.

– Кто ты? – безразлично спрашиваю, не поворачивая головы.

– Теперь уже младшая дочь Ньерды, – прожурчал в ответ приятный грудной голосок.

– Почему теперь?

– А раньше жила я, как и ты, среди людей на земле.

– И что же сейчас?

– Море – моя стихия! Это я тебя вытащила на берег. Сама-то редко бываю на суше.

Тут меня осенило:

– Знаю! Знаю! Слышал эту историю про Ихтиандра.

– Совсем нет. Мне не пересаживали жабры молодой акулы. Здесь другой случай.

Дальше становилось неприличным общаться с собеседницей, не поворачивая головы. В конце концов, она является моим реальным спасителем, если не врёт, конечно. Пора познакомиться поближе.

Поворачиваю голову. Боже мой! Передо мной вполне привлекательной наружности девица, обнажена по пояс. Вожделенным взором скольжу по её фигуре вниз. Что за чертовщина? Ниже талии ноги срослись в хвост, покрытый чешуйками наподобие рыбьих.

Преодолевая некоторую растерянность, представляюсь:

– Цуцик! Это по-уличному погоняло у меня такое. А можно и Кузей – так мать называет.

– Очень приятно! А я Морисоль.

– Ну, ладно, всё это лирика. Но как же я очутился среди океана на незнакомом берегу? Надо определиться с этим, – сверлила в мозгу навязчивая мысль.

Морисоль плескалась поблизости на отмели, гоняясь за кем-то в воде. Я сидел на тёплом песочке, одежда на мне почти высохла, только томило нудное чувство опустошённости в желудке. Хотелось чего-нибудь съесть.

– Мори-со-о-ль! – позвал я. – Тебе ещё не надоело плескаться?

Новоявленная подруга упруго взмахнула хвостом и через мгновение вынырнула поблизости от меня:

– Я же предупреждала: море – моя стихия.

– Всё это понятно. Только меня интересует, как я сюда попал и чего бы пожрать. Мать, наверное, с ума сходит от того, что не знает, где запропастился сынок.

– Я ничего не знаю. Могу только тонущего вытащить из воды. Пожалуй, надо позвать Алекса, может чем-нибудь поможет.

Морисоль свистнула переливчатой птичьей трелью. Через мгновение из-за ближайшей дюны появилось непонятное существо. Оно было белёсым и всем видом напоминало индиго. За плечами вяло, наподобие пустого рюкзака, топорщились несуразные помятые крылышки. Да и весь этот самый Алекс своим неприглядным видом не вызывал симпатии. Брёл какой-то расхлябанной вихляющей походкой, развязно затягивался дешёвой папироской, цинично сплёвывал под ноги. Впечатление нахального ублюдка производил он своим видом. Обычно от подобных типов стараются держаться подальше.

– Чё надо? – недовольно вопрошал он. – Зачем звали?

– Тут дело есть. Ты присаживайся возле нас, – не обращая внимания на неприветливый тон, обратилась к нахалу русалка. – Вот, познакомься. Это Цуцик. Он потерялся.

– За этим вы меня звали?

– Не только. Ещё он есть хочет. Я тут наловила с дюжину сардинок, надо их запечь на костре, – Морисоль бросила на берег кукан с нанизанными на лозину рыбёшками.

– Мать твою... с какой это стати я должен прислуживать приبلудному незнакомцу? В хороших манерах меня ещё никто не уличал.

Я так и подумал... и согласился:

– В принципе, он прав. Ничем мне не обязан. На его месте и я бы послал...

Но Морисоль, видимо, обладала каким-то магическим влиянием на этого неприятного субъекта. И он прислушался к ней.

– Алекс, ты один можешь вызволить с острова нашего гостя. Сделай доброе дело! И после тебе воздастся за милосердие.

– Дух отягчённый во мне сейчас. Не способен воспарить к небу. Тем более с грузом.

– А ты не торопись. Приготовь пока мой улов на ужин. Вон, уже солнце пошло на закат. Утром и примешь решение.

Долго, до полуночи сидели втроём у костра, разведённого Алексом тут же, на берегу. За обе щеки я уплетал поджаренные на углях сардины, вспоминая с тоской о доме и школьных друзьях. Там всё устоялось, знакомо до слёз. А что здесь? Незнакомый заброшенный остров, сомнительная компания, состоящая из русалки и падшего ангела. Даже музыки не послушать. Люблю я в этой жизни всего-то: попинать мяч с друзьями, неожиданной выходкой напугать одноклассницу в тёмной подворотне, покурить запретной «травки», а ещё, баночное пиво, летние дожди, шашлык из крольчатины, поезда дальнего следования и самолёты, обожаю слушать стрекот кузнечика и бездумно шуршать пальми листьями в осеннем сквере, растянуться в ботинках перед теликом на диване, сочинять всякие истории... Блин, разве это так много?

– Цуцик, ты давай заканчивай с хавкой и надо приготовиться к завтрашнему дню, – вытирая о себя лоснящиеся рыбьим жиром длинные пальцы, бесцеремонно прервал мои мысли Алекс.

– Что я должен сделать?

– Прежде всего прекратить жрать и хорошо выспаться, чтоб было полегче переносить тебя через море. Да! И не пей жидкости на ночь – она разжижает кровь, и во время полёта на виражах будет колыхаться, от чего меня может занести или бросить в пике. Тогда ты точно не увидишь маму.

Я ненароком скорчил недовольную гримасу, мол, что ты мне тут впариваешь: какой пилотаж?.. какая мама?.. И так я влип по уши в историю.

– Слушай Алекса, он знает что говорит, – откликнулась заботливая Морисоль.

Против неё я ничего не имел, её приятно было слушать и принимать сочувствие. Но этот трепетнокрылый ангелочек достал своей унижительной для достоинства надменностью. От души хотелось послать его куда подальше. Однако, осознавая свою зависимость от его развязной натуры, пришлось до поры затаить в себе буйство чувств, ведь я же не собираюсь, в самом деле, отозваться на всё безумным актом самопожертвования. Хочу домой и этим всё сказано.

Изобразив демоническую мину на физиономии, Алекс с омерзительной усмешкой продолжал наставления:

– И ещё. Перед сном помолись на закат. Это здорово облегчает душу. Всё легче будет тащить тебя на себе.

Будто наполненный социальной значимости, он демонстративно высморкался в кулак и вытер ладонь о штанину.

– Я вообще не читал того бреда, что какой-то пархатый давно начертал в толстом фолианте, – надменно уведомил я крылатого благодетеля.

– Тогда приятно оставаться. Останемся каждый при своих: ты не увидишь дома, как собственных ушей, я – не стану утруждать себя сентиментальной блажью, любезно навязанной Морисолью.

С отчаянной решимостью пришлось резко умерить свой гонор, настроившись на рациональный образ мышления. Позорно ретировавшись, елеино обращаюсь за разъяснением к симпатизирующей мне русалке:

– Ни одной молитвы не знаю. Что делать?

Она сочувственно объясняет:

– Ты обратись к Господу своими словами и попроси удачи в пути. Он различит исходящее от сердца и непременно внемлет.

– А как обойтись без питья? Я ведь поужинал рыбой, а после неё всегда одолевает жажда.

– Ничего не поделаешь, придётся терпеть. Путь предстоит долгий, через море. Вся тяжесть нагрузки ложится на Алекса. Ему ещё надо пёрышки привести в порядок, чтоб крылья обрели достаточные аэродинамические свойства. Спокойной ночи, Цуцик! Устраивайся на ночлег на том ворохе сухих водорослей, ночами у воды сыро и можешь простудиться. Утром я вас разбужу.

– Спокойной ночи, Морисоль!

В наступившей темноте раздался звонкий всплеск воды, и русалка исчезла в своей стихии.

Сон бежал прочь от меня. Одна яркая звезда прямо напротив мерцающим пятнышком, словно лазерным прицелом снайперской винтовки, метила поразить в наиболее уязвимое место. Жуткое чувство обречённости никак не покидало съёжившегося сознания. Я не доверял Алексу, но судьба не предоставляла выбора.

– Придётся покорно сносить скверность его характера. До поры... – решил я злорадно. – Ох, потом на нём отыграюсь. Тоже мне, нашёлся ангел... опустившийся...

С полной безнадежностью, без всякого энтузиазма обращаюсь к непостижимому Богу со своим нелепым запросом поспособствовать в моём благополучном водворении восвояси. На этом и погружаюсь в сон, больше похожий на коматозное состояние находящегося на грани между реальным и вечностью пациента.

Проснулся от грубого толчка в бок. Это Алекс пнул ботинком.

– Вставай, Цуцик. Уже пора! – это он так вместо доброго утра.

– Можно было бы и повежливей, – недовольно бормочу себе под нос.

– Да пшёл ты!.. – раздражённо парирует грубиян.

– Утро доброе! – раздаётся щебечущий голосок от воды.

– Я уже в курсе какое оно доброе, – вяло отзываюсь.

– Не обращай внимания на Алекса, он всегда такой. Сегодня тем более ему нужно сосредоточиться и настроиться на необходимый ритм. Я тут сплела из водорослей две прочных верёвки, чтоб ты ими накрепко привязался к Алексу и не выпал во время полёта.

Солнечный восход пурпурно окрасил горизонт и на его оттиснутом фоне медленно выплывал ещё не яркий алый шар, вселяя надежду в мою поникшую душу. Будто божественное око воцарилось на небосводе, дабы строго взирать за происходящим в мире.

– Ну, ты, пассажир! Давай прицепляйся ко мне. Пока на море отлив и дует попутный бриз, нужно воспользоваться этим. Тяжелее всего будет подняться кверху и набрать высоту, а там подхватят воздушные потоки и станет гораздо легче. И захвати это. – Алекс протянул длинную ветку, очищенную от листьев.

– Это ещё зачем?

– Стервятников будешь отгонять. А то они так и норовят атаковать вторгшихся в их пространство чужаков. Да смотри поаккуратней, чтоб мне в глаз не попал. И не елозь, там, на верёвках – натрешь мне живот, захочется в сортир облегчиться, а совершить посадку будет негде. Наделаю в штаны, тебе же хуже – протечёт на того, кто снизу.

– Ладно. Всё понял. Давай уже взлетай. Домой хочется поскорее. Там мать что-нибудь пошамать сварганила.

– На счёт «три» подпрыгиваем и сразу же поджимаем ноги. Оп – ля!

С первой попытки получилось неудачно. Подпрыгнули вразнобой. Свалились.

Алекс расшеперился:

– Блин! Тебе говорил на «три» отталкивайся от земли. И в воздухе не болтать, иначе встречный поток в рот попадёт и может случиться эффект разгерметизации, тогда не вынесешь перегрузки.

Ещё раз подпрыгнули. Получилось! Медленно набираем высоту. Морисоль всё более отдаляется. Помахал ей на прощание.

– В принципе, хорошая она тёлка, жаль только ноги срослись в этот несуразный хвост, а так бы можно было потрахаться, – пробудилось во мне нежное чувство. – Слава богу, всё чики-пуки! Летим. Значит, сегодня буду дома. Так Алекс обещал.

Приземлились на ворох опавших листьев в палисаднике под моим окном. На радостях я даже забыл о том, что злопамятно хотел по завершении вояжа от души обматерить своего ненавистного благодетеля. Главное, я теперь дома и стоит проявить великодушие.

Алекс немного отдышался и, молча развернувшись от меня, понуро побрёл прочь, к тому месту, где кроны деревьев не смыкались ветками сверху, а оставляли свободным просвет, сквозь который можно было беспрепятственно взмыть в небо. Я напряжённо наблюдаю как этот низвергнутый ангел, с трудом преодолевая земное притяжение, надсадно набирает высоту.

Наконец потуги его увенчались успехом и, перестав делать частые взмахи крыльями, он стал планировать параллельно земле.

– Ну, типа, прощай! – непроизвольно вырвалось у меня вдогонку.

Ответом прозвучало: удаляющийся шорох перьев на встречном ветру...

– Где ты, поганец, болтался всю прошедшую ночь и сегодняшний день? И что опять натворил? – встретила мать претензиями.

– Да так, по делам задержался. Дай похавать чего-нибудь.

Родительница не унималась:

– Что за дела такие? Три раза уже из полиции приходили, тебя спрашивали.

+ + +

Следак оказался нахрапистый малый, по всему видно – карьерист. «Дело» ему, видите ли, необходимо скорее завершить. Ну, а мне-то что до того? Короче, портфель мой школьный нашли на асфальте под окнами ограбленной квартиры. Теперь ищут способ повесить на меня эту кражу. Только есть нестыковка с похищенным: не удаётся обнаружить пропавшие шмотки. Обыск в моей квартире не дал результата. Буду стоять на своём: ничего не знаю, ничего не видел, портфель потерял. Оно мне надо, с бандюганамися связываться? Потом всё может печально закончиться. А менты зарплату получают – вот пусть и отрабатывают её. Отцепятся! Все их подозрения базируются на том, что не могу внятно объяснить, почему сутки отсутствовал и где всё это время провёл. Нет у меня алиби. В конце-то концов, не посвящать же мусоров в историю знакомства с Морисолью и Алексом. Такое они не оценят. Да и этим только подпишу себе приговор на неизбежное пребывание в психиатрической лечебнице. Никто ещё научно не обосновал гипотезу существования нематериалистического мироустройства.

Однако гематома на темечке, оставленная налётчиком, до сих пор болезненно саднит...

Позднее раскаяние исламиста

Огнедышащее солнце, подобно пламени газовой горелки, разогрело до нестерпимости сковороду земли. Казалось, брось только кусочек масла – и зашипит, расплавится оно.

Вдруг из глубины одной из складок глиняного склона осторожно вынырнула фигурка человека. Затравленно озираясь и устало передвигая тело, он стал карабкаться по открытому пространству. В тишину полуденного безмолвия вплелись посторонние звуки: насадный шум усталого дыхания, сухой шорох осыпающейся глины и металлическое позвякивание. По смуглому лицу азиатского типа из-под тюбетейки обильно стекали грязные потоки горячего пота, на пятнистом балахоне маскхалата во всю спину растеклось мокрое потное пятно, поперёк спины болталась труба гранатомёта, гулко позвякивая при толчках.

Наконец беглец добрался до небольшой искусственно вырытой пещерки. Забравшись в спасительную тень, он упал в изнеможении. Некоторое время лежал в неловкой позе, без движений, слышалось только учащённое хриплое дыхание. Затем незнакомец отстегнул с пояса фляжку и, приложив её к потрескавшимся губам, принялся жадно пить. Напившись, он освободился от обременяющих тело предметов амуниции и, расстелив маскхалат, лёг на него.

Противоречивые чувства тяжким грузом давили сознание.

...Зачем мулла Шерали так настойчиво призывает правоверных мусульман во время намаза молить Аллаха о ниспослании неверным болезней и порчи, ведь пророк Мухаммад учит быть добрыми, покорными, терпеливыми? Но мулла объяснил, что неверные нарушают заповеди священной книги мусульман – Корана.

Почему надо убивать человека, если тот не совершил ничего худого, хотя он и не живёт по Шариату? Негматулло хорошо помнил: дед, достопочтенный Шариф-ака, часто рассказывал, как трудно жилось простым дехканам при баях. Род Садыковых испытывал постоянную нужду: скудный урожай хлопка, с трудом выращенный на неблагоприятной глинистой почве, почти целиком уходил на уплату налогов. Да ещё вечный бич таджика – колым: в традиционно многодетных семьях надо было постоянно ограничивать себя во всём, чтобы скопить средства на женитьбу сыновей.

Когда в 1926 году в кишлаке Китоб впервые появились кафиры, дехкане, напуганные рассказами муллы о звероподобном обличье и кровожадных наклонностях этих людей, в ужасе попрятались по своим жилищам. Все с затаённой тревогой прислушивались, как в узком лабиринте кишлачных улочек гулко разносились звуки конских подков.

За забором послышалась возня, и в дверном проёме дувала показалась спина Алишера – он с трудом тащил за собой отчаянно упирающегося испуганного человека. Нукер, угостивший ещё прежде лепёшкой и ставший джурой (другом), поспешил на помощь. Вдвоём они быстро извлекли жалобно причитающего и трясущегося бача (мальчика) на простор небольшой кишлачной площади, где расположилась группа кавалеристов. Страшные нукеры почему-то принялись весело хохотать и обступили несчастного бача: кто-то ласково погладил по голове и заботливо одел упавшую тюбетейку, кто-то угостил персиком. Мальчик успокоился, и на его лице отразилась крайняя степень любопытства. Это был дед Негматулло Шариф.

С приходом красных нукеров мулла и бай стали вести себя в кишлаке тихо и неприметно, а впоследствии и вовсе исчезли куда-то. Жизнь дехкан неуклонно улучшалась. Во многих домах появился достаток, да и сами дома стали добротными, кирпичными. Электричество, водоснабжение, транспорт стали приметамы времени.

Негматулло не мог понять, почему мулла Шерали пустил клич «Хун рези!» (пустить кровь!) среди правоверных, призывал убивать и выгонять гяуров с таджикской земли. Что с того, что они не верят в Аллаха? Если потребуется, он сам их накажет. А простым дехканам они сделали столько хорошего! Заблудший в дебрях идеологической пропаганды молодой

мусульманин с сожалением вспомнил, как, малодушно поддавшись не очень убедительным доводам муллы, принял фанатичный призыв исламских фундаменталистов и, встав под зелёное знамя Ислама, вступил в отряд кулябского экстремиста Ашурбека. С того момента стал Негматулло воином Аллаха и принял активное участие в священной войне Джихад.

Перед глазами возникла картина недавнего боя. Банда Ашурбека под покровом ночной темноты скрытно пробралась к месту предполагаемой засады: расположились, приготовились. Когда совсем рассвело, со стороны Фахрабадского перевала потянулся автомобильный караван. Колонну сопровождал БТР. Негматулло крепко сжимал нагретый солнцем гранатомёт и ждал сигнала к бою: первым должны были поразить БТР сопровождения, идущий в голове колонны, – это и послужит началом всеобщей атаки.

В нескольких десятках метров от притаившегося гранатомётчика по дороге двигался, надсадно гудя на подъёме, гружёный бензовоз. Негматулло отчётливо видел беззаботное лицо молодого русоволосого парня – тот не подозревал, что сегодня ему готовит дорога. Вдруг впереди колонны послышался тугой хлопок и резкий визг, напоминающий звук автомобильных тормозов. Боевик набожно закатил глаза к небу и, произнеся: «Аблакебар!» – нажал спусковой крючок гранатомёта. Одновременно с толчком отдачи увидел сноп искр, ярким фейерверком брызнувший из бензовоза. В какой-то миг из ада пламени вынырнуло страшно перекошенное курносое лицо, на котором резко выделялись дико округлившиеся глаза.

Негматулло работал как автомат: выскочил из укрытия, побежал вдоль полыхающей колонны и – стрелял... стрелял... До сознания глухо, словно сквозь толстое одеяло, доносились треск автоматов, шипение горящих машин и душераздирающие крики умирающих. Боевики безжалостно добивали раненых и вели беспорядочную стрельбу по спасающемуся бегством противнику.

Несколько водителей сумели закрепиться на ближайшем холме и, заняв оборону, открыли ответный огонь. Перестрелка непредвиденно затянулась. Внезапно со стороны перевала донёсся быстро нарастающий характерный свист, и вскоре в небе показались пятнистые «вертушки». На голых склонах невозможно было укрыться от вертолётов, и боевики в ужасе стали беспорядочно разбегаться. Воздушные драконы принялись со злобным шипением выплёвывать ракеты. Запылали горы. Негматулло видел, как в том месте, где только что бежал Джамшед, полыхнула вспышка, и на месте молодого боевика закурился сизый дымок... Дикий визг и злобное шипение заглушили иные звуки. Горела земля, и яркие вспышки периодически слепили глаза. Распластанные изуродованные тела усугубляли кошмарную картину развернувшегося побоища.

Негматулло на четвереньках, обдирая локти и колени, пополз по придорожному кювету – прочь от кошмара. Как загнанный зверь, он уходил от облавы. На сей раз уйти удалось. Теперь он трусливо отсиживался в своей звериной норе.

Постепенно успокоившись, доблестный воин Аллаха стал перебирать в памяти фрагменты недавнего боя. В сознании вновь возникло перекошенное лицо с дико округлившимися глазами в обрамлении всепожирающего пламени.

Противоречивое чувство позднего раскаяния цепко сковало воспалённое сознание, и мозг с новой силой засверлила назойливая мысль: «Зачем люди убивают друг друга? Ведь можно, как прежде, ходить в гости, пить вместе кок-чай, невзирая на религиозную принадлежность. Кафиров тоже создал Аллах...»

Чечня продолжает крушить душу...

*ПОЧТИ ДВА ГОДА ПРОШЛО СО ДНЯ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ
ИЗ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ ВИКТОРА ДРОБОТА. ЕМУ ПОВЕЗЛО –
ПОСЛЕ ТРЁХМЕСЯЧНОГО ПРЕБЫВАНИЯ ВЕРНУЛСЯ ЖИВЫМ
ИЗ ЧЕЧЕНСКОГО КОШМАРА. НО КАКОВО СЕГОДНЯ ДУШЕВНОЕ
СОСТОЯНИЕ «СЧАСТЛИВЦА»? ПОПЫТАЕМСЯ ПРОНИКНУТЬ В ЕГО
МИР, ПОНЯТЬ, РАЗОБРАТЬСЯ...*

Я испытал при жизни ад!..
Чечня, братан, огонь и смрад
явила в наш Эдемский сад.
А кто в том виноват?

Раскрашен празднично фасад...
А залп из установки «Град»,
исполнив дьявольский обряд,
накрыл отчаянных ребят.

Погоны жмут, а автомат
надежду теплит у солдат
и вперемешку с кровью мат
летит – страшней стократ.

Оставлен «духами» квадрат
и окровавленный кастрат
сдан федералам на возврат —
калек пополнить штат.

Вовек «груз-200» будет свят...
Я паковал своих ребят —
останки роты так смердят,
распространяя трупный яд.

...В зарубках снайперский приклад.
Достал меня вайнахский гад.
К чему теперь мне звон наград? —
ведь в морг – не на парад.

Сыны российские лежат
в гробах,
познав кромешный ад,
по ним лишь матери скорбят,
надвинув чёрный плат.

А ворон сыт и трупам рад, —
не знает горечи утрат...

А люди страшное творят
и мир сплошь пламенем объят...

НА МАРШЕ

Когда я уходил в армию, дед дал листок с молитвою и сказал, чтоб этот листок был всегда при мне. Своеобразный талисман и хранил меня.

Службу довелось проходить механиком-водителем самоходной 152-миллиметровой гаубицы в 255-м гвардейском мотострелковом полку в г. Волгограде. Всё шло довольно гладко – близился дембель, я уже собирал свой дембельский фотоальбом. Но...

Ранним декабрьским утром 1994 года полк подняли по тревоге и походным порядком перебросили в Калмыкию. До последнего момента рядовой состав не знал, чем вызван был зимний марш-бросок на такое большое расстояние. Как оказалось, сложным путем мы подбились к Чечне. Ночью прибыли в посёлок Толстоюрт и тут же были обстреляны. Страху под первым в своей жизни обстрелом я не испытывал – всё напоминало боевик. А на рассвете наш экипаж понёс первые потери – был убит наводчик Лёха Алексеенко из Ейска. Он неосторожно высунулся из башни, и снайперская пуля угодила в голову. Вот тогда-то я понял, что это вовсе не кино, а «взаправдашняя» война. Лицо Лёхи долго ещё стояло перед моими глазами и трудно было привыкнуть, что его нет с нами...

ШТУРМ

Наш штурмовой отряд наступал по центру Грозного в сторону президентского дворца, где находился Дудаев. Километрах в шести от нас двигались в сторону вокзала ребята из майкопской бригады. Пять суток мы провели в непрерывных боях. Было трудно: питание не подвозили, боеприпасы на исходе, не спали по нескольку суток. Обстреливали нас со всех сторон – неразбериха полная. Случалось, что наступающие обстреливали своих же. Наконец вдали мы увидели дудаевский дворец и стали вести огонь по нему. Потом офицеры разглядели в «оптику», что дудаевцы выставили наших пленных в оконных проёмах. Отряд постепенно прекратил обстрел, но другие наступающие подразделения продолжали стрелять по дворцу...

НА РУБЕЖЕ

Наша группа продвигалась по улице Лермонтова. Впереди расчищал дорогу танк, за ним шли БТРы с пехотой, затем – моя самоходка №086 и зенитная установка «тунгуска».

Первой погибла «тунгуска» – мина угодила прямо в кабину. Раньше я не думал, что стальная техника так легко горит – словно коробка спичек. Ребята успели вытащить из огня лишь тело лейтенанта, которому осколком пробило голову.

...От командира дивизиона я получил приказ – выдвинуться из-за укрытия и выпустить пять снарядов по зданию, из которого противник усиленно обстреливал наступающих.

86-й честно исполнил последний приказ: выдвинувшись на открытую площадку, в тримплекс я отчетливо видел, как в зияющих оконных проёмах заматались тёмные фигурки... После первого же выстрела поднялась пыль внутри здания и затмила обзор. Следующие снаряды устремились в облако пыли. Выполнив боевую задачу, наша «самоходка» стала отползать в укрытие, но броневой снаряд настиг её, прошив борт и повредив двигатель. Меня, контуженного, ребята оттащили в укрытие, где я пришел в сознание.

Наступающие несли большие потери, поэтому мне не пришлось долго отлеживаться в лазарете. Погиб механик-водитель с 85-й, и я заменил его.

НЕНАВИСТЬ

Орудийная канонада не смолкала ни днем, ни ночью. Хлопки разрывов, пронзительный свист пуль, визг пролетающих мин, скрежет кромсаемого железа, злобный рёв бронетехники, треск дерева, пожираемого ненасытным пламенем, – всё это слилось в страшный кошмар. Кругом разбросаны изувеченные окровавленные трупы, объехать которые не было возможности, и техника, давя их многотонной мощью, наматывала мёртвые останки на гусеницы, месила кровавый снег с грязью. Лёгкие надрывались, вдыхая чад пороховых дымов вперемешку со смрадом разлагающихся трупов. Обычным нормальным языком здесь, в этом аду, говорить невозможно. Приходилось постоянно напрягать связки, чтобы перекричать весь этот грохот, а для пущей убедительности густо разбавлять свою речь крутыми словечками.

В тесноте городских улиц неповоротливая бронетехника, лишённая возможности маневрировать, становилась весьма уязвимой. Отовсюду к машинам устремлялись разящие жала бронебойных снарядов. Но труднее всего приходилось пехотинцам, не укрытым за толстой бронёй. Их поражали мельчайшие осколки и пули.

Более всего живую силу наступающих выкашивали засевшие в высоких зданиях снайперы. Один такой стрелок в течение двух часов методично отстреливал десантников нашего штурмового отряда. В творящейся неразберихе ребята из разведбата с трудом определили его местонахождение и, незаметно подкравшись, захватили, а затем доставили в наше расположение. Снайпером оказалась молодая женщина из Прибалтики, бывшая спортсменка-биатлонистка. Её хотели доставить в штаб, но друзья погибших от снайперских пуль ребят не позволили этого сделать. Ненависть, посеянная в сердцах, требовала удовлетворения. Женщину-убийцу тут же стали безжалостно избивать. Она молила во имя своих детей оставить ей жизнь. Пыталась оправдать свою роль тем, что приехала в Чечню подзаработать на покупку новой квартиры.

Её привязали к двум БТРа́м и разорвали.

МАРОДЁРСТВО

Разные люди участвуют в войне: подневольные солдаты срочной службы, «контрактники», приехавшие откровенно заработать на крови, бездушные озверевшие уголовники, любители лёгкой наживы, не гнушающиеся любых, вплоть до самых грязных, способов обогащения...

В расположении наших войск лежал убитый чеченец, лицо которого было искажено посмертным оскалом так, что видны были золотые зубные коронки. Проходя через некоторое время возле трупа боевика, я обратил внимание: золотые зубы кто-то выдернул...

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Одна «самоходка» нашего дивизиона выдвинулась на открытое пространство уличного перекрёстка и из неё произвели несколько выстрелов по противнику, укrywшемуся в пятиэтажке. Механик замешкался, не успел быстро спрятать машину в укрытие, что позволило дудаевцам прицельным выстрелом из гранатомета перебить гусеницу.

Наш 85-й находился поблизости. Не мешкая, я ринулся на выручку, выбросил на броню буксирный трос. В тот момент, когда я покинул нутро бронированной боевой машины, от одной из близко разорвавшихся мин осколок вонзился в бронежилет на моей груди (осколок этот я и сейчас храню), как раз в том месте, где у меня в кармане хранился листок с дедовой молитвой.

Повреждённую «самоходку» отбуксировали в укрытие. Когда опасность миновала, выбрались наружу и расцепили буксирный трос...

За этот фронтальный эпизод мне потом вручили медаль «За отвагу». А с механиком спасённой машины мы стали побратимами, сейчас переписываемся – он живёт на Урале.

В «ТЫЛУ»

В уличных боях наш дивизион понёс большие потери – из 60 человек в строю осталось 38. Поэтому перед штурмом дудаевского дворца нас заменили и вывели из зоны передовой. Но в Грозном везде было беспокойно, смертельная опасность подстерегала нас на каждом шагу, кругом валялись неразорвавшиеся снаряды, в самых неожиданных местах были установлены мины-растяжки, в любой момент могла настичь пуля снайпера. Дерзкие вездесущие чеченские мальчишки, посланные взрослыми, сновали в расположении наших войск и передавали необходимую информацию сепаратистам. Нередко эти мальчишки подбрасывали гранату в открытый люк боевой машины либо стреляли в спины наших солдат.

Вечная российская неорганизованность порой доставала нас и здесь. Если, к примеру, во Вторую мировую войну в войсках союзников строго по часам на позиции подавали горячий кофе, то у нас скудный сухпаёк, случалось, не выдавали по несколько суток. И вынуждены были мы рыскать по близлежащим брошенным домам в поисках пищи. В одном из них в туалете я наткнулся на растянутые тонкие нити лески, которая вела к гранате, спрятанной за унитазом. В другом доме после нашего ухода из подвала выбрался старик чеченец и принялся пускать сигнальные ракеты, вызывая огонь по нашей машине. Едва удалось уйти из зоны минометного обстрела.

Нередко чеченские сепаратисты минировали и трупы погибших солдат-«федералов».

В Грозном городская канализационная сеть весьма обширна, и по её ходам боевики незамеченными пробирались в расположение наших войск, внезапно появляясь в самых неожиданных местах. Такие вылазки особенно любили они делать по ночам.

Пришлось мне как-то всю ночь ремонтировать свою повреждённую машину. А недалеко во дворе укрылся танк. Чтоб не замерз экипаж, механик всю ночь не глушил двигатель. Утром он выбрался из своего отсека и обнаружил весь экипаж расстрелянным. Видимо, в темноте враг пробрался к танку, постучал в люк, ему открыли, приняв за своего. А дальше не составило труда совершить злодеяние. Из-за оружейной канонады и шума работающего мотора выстрелы внутри танка никто не услышал.

На всю жизнь запомнилась мне новогодняя ночь в Грозном. Накануне я загнал свой 85-й внутрь полуразрушенного дома. Там экипаж и встретил Новый 1995 год. Недалеко от нас на уличном перекрёстке в окопе расположилась группа десантников. Ночью, расслабившись от принятого спиртного, они беспечно заснули. На рассвете мы обнаружили их лежащими с перерезанными глотками.

Многие ребята крепко пристрастились здесь к алкоголю – необходимо было как-то снять стресс, расслабиться, забыться. Столько ведь было и крови, и боли вокруг...

Помню, побежали мы к раненому офицеру, чтобы вынести из-под обстрела. Быстро вкололи ему обезболивающий препарат, чтоб облегчить страдания. Потом стали поднимать. Я потянул за ноги, и они, отделившись от тела, остались у меня в руках...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эшелон, гружённый побитой боевой техникой, медленно тронулся с места и наш 85-й, вместе с другими искалеченными машинами укатил на переплавку. Весь экипаж пришёл

проводить «боевого друга». Было тяжелое чувство утраты, будто лишились очень близкого и родного...

Потом был реабилитационный курс в госпитале, психиатры помогли адаптироваться к новым, мирным условиям жизни. Да не так-то просто это. Повоевать в Чечне довелось всего-то три месяца, но они перевернули всю мою судьбу, надломили душу.

Всё время делаю что-то не так, словно плыву в этой жизни против течения, и меня сносит и сносит вниз, к обрыву...

Всего три месяца побыл я рядом со смертью, но это, как оказалось, не проходит бесследно. Чечня продолжает крушить мне душу...

Чупакабра

«Достоверных научных сведений, подтверждающих существование чупакабры, нет. Считается, что чупакабра охотится ночью и нападает на беззащитный скот...»

Википедия – свободная энциклопедия.

Приехал к нам в деревню как-то один городской очкарик. Всё бы ничего, ну приехал себе – и ладно. Но тут вот какое дело вышло. Оказывается, он приходился то ли племянником, то ли ещё каким-то родственником моему соседу – ветеринару Митричу. А ветеринар на селе, как вы сами понимаете, лицо ответственное, полномочное и весьма уважаемое – это распространяется и на его родственников.

Очкарик этот такой дотошный оказался, везде нос свой суёт – всё интересуется сельским укладом.

– А почему это, уважаемый сосед, – спрашивает он меня, – ваша корова навоз вырабатывает странного интенсивно-зелёного цвета?

– Извиняюсь, дорогой городской товарищ, – отвечаю я вежливо, – но в нашей семье нет такого достатка, как у вашего дядюшки, и мы не можем свою корову каждый день отборным зерном кормить. Мы всё больше на подножных кормах перебиваемся: травку там разную кушаем, али где-то иное съедобное подвернётся...

А тут мы с приятелем моим Петюней как-то дерябнули поллитровку самогонки и засобирались вечером на рыбалку сходить, на сомиков. У нас в совхозе, за деревней, корейцы землю арендовали и рис выращивают: разбили территорию на небольшие участки – чеки, шириной метров по двадцать, посадили там рис и заполнили чеки водой. Сами здесь же живут в вагончике – уголья рисовые свои охраняют. Да собак бродячих прикормили, чтоб те им караульную службу справляли.

А сом – рыба деликатесная, без костей. Уху из него каждый сельский житель уважает, а посему к ловле этой рыбы нужно специально подготовиться. То есть, наживку надо загодя приготовить. И не каких-то там червей, мотыля или макуху, а непременно мясо чтоб было, да чтоб для пушного аромата слегка обжаренным на огне. А, так как, при нашей российской нужде излишков мясной продукции в семьях не наблюдается, то мы на деревне приспособились так: наловим воробьёв, обжарим их на костре и кусочками насаживаем на крючок для наживки. Сом и соблазняется на это.

В общем, все чин-чинарём: сидим с Петюней у меня за сараем, воробьёв дожариваем, снасти готовим, потреблённую самогонку организмом усваиваем. Тут откуда ни возьмись очкарик городской нарисовался возле нас:

– А что это вы тут делаете?

– На рыбалку на сомиков, вот, собираемся, – говорю.

Очкарик близоруко сощурился, поднёс к самому носу моё невзрачное удилице и принялся то ли разглядывать, то ли обнюхивать. Сам укоризненно качает головой:

– Да разве ж это удочка? Сейчас я вам свою покажу.

И притащил свой спиннинг. Новенький. Бамбуковый.

– Хороший спиннинг. Замечательный, едрёна вошь. Жаль в здешних местах бамбук не произрастает, – компетентно оценил снасть Петюня, тщательно скрывая внутри себя меркантильное чувство.

– Ну, да, – осторожно возразил я, – никелированная катушка доже блестит – рыбу в недоумение ввергать будет. Весь улов отпугнёт только.

Это я не то, чтоб от зависти, а просто пусть особенно не задаётся перед нами городской житель.

– Рыба наша, – говорю, – в натуральной среде обитает и ко всему естественному привыкла. Когда она видит моё ореховое удилице, то за обычную ветку его принимает и совсем не пугается.

Так, слово за слово, и навязался к нам в компанию ветеринарский племянничек со своим дурацким спиннингом.

– Ладно уж, – решили мы с Петюней, – на ночной рыбалке никелированный блеск незаметный будет.

Как стемнело – мы шасть за околицу. Надо чтоб тихо было, корейцы не любят, когда их территорию чужие нарушают.

Пробрались мы на рисовую плантацию незамеченными, распределились по местам осторожно, развернули снасти, забросили. Ждём. Только очкарик наш что-то всё возится, знаками спрашивает у меня куда, мол, снасть забрасывать, сам близоруко блымкает подслеповатыми очами.

Я показываю: вперёд перед собой бросай.

А кругом тишина, только слышно, как собаки на той стороне приглушённо ворчат, да комары зудят нестерпимо. Ещё по воде дорожка света от месяца отсвечивает блёстками.

Гляжу, а интеллигент очкастый как размахнулся со всей дури, да и забросил чёрте куда свой спиннинг. Ширина чека-то всего метров двадцать будет. Ну, да ладно, – думаю, – не моего ума это дело: пусть городской дожидает улова, а то, вишь ли, задаваться сюда приехал – спиннинги там у них бамбуковые.

Сижу себе и удовлетворённо так злорадствую:

– Вот дурак, забросил на другой берег и думает поймать что-нибудь... даже не слышит, как от его насадки жареным мясом за версту воняет... Городской, отвык от природы...

Только я так подумал, а сам улавливаю краем глаза как дёрнулся мой сосед, подскочил на месте. Смотрю: крутит свою катушечку. А удилице изогнулось невероятно. Тут и Петюня от своего поплавок отвлёкся, глядит с завистью как тяжело тащит улов свой компаньон наш. Да, сом попался, видимо, что надо – не может справиться в одиночку очкарик. Бросились мы на помощь ему. Тянем втроём. Чувствуем, как мощно упирается рыбина, плещется громко, брыкается. И вот уже совсем рядом родимая, килограммов на двадцать, никак не меньше будет. Растущий по краю камыш не даёт разглядеть толком что там в воде делается. Но мы усердны в своём стремлении, кряхтим от насады и надрываемся – удачу свою сообща вытягиваем.

Вдруг из воды со злобным рыком выбросилось к нам что-то взлохмаченное и ужасное. У очкарика аж из глаз прожекторные лучи брызнули. Взвыл бедолага от страха и неожиданности и бросился прочь бежать от страшного места. Да и мы с Петюней не слишком отстали от него.

А позади все доносился жалобный вой да гавканье...

Теперь Митрич здороваётся со мной нехотя, через губу. Он считает, что это я втянул его племяша в историю, вследствие чего тот теперь заикается и косит левым глазом. Будто бы я мог предполагать, что на его обжаренную наживку пёс бродячий покусится.

Вот вам и чупакабра ужасная.

Спецпохороны в августе 42-го

(Журналистское расследование)

ПРЕАМБУЛА

На Кубани казачество возникло в 18 веке. Необходимость защиты границ Российской империи от многочисленных набегов с юга диктовала создание определённого военно-социального формирования. Тяжёлая кордонная служба – беспокойная и тревожная – породила особое этническое образование, названное впоследствии Кубанским казачеством. Этот суровый народ добросовестно выполнял свой долг по защите рубежей Отечества. Более того, он создал свою самобытную культуру, свои обычаи. Но в жизни этого народа много было трагических страниц. Об одной из них – наш рассказ...

НАБАТ

...В Горячем Ключе родилась легенда: в старый глубокий колодец, находившийся на людном месте (нынешняя территория средней школы №3), большевики сбросили с разорённой ими казачьей церквушки колокола. Колодец засыпали, сравняли с землёй. Но, говорят, и ныне в особый час зарытые колокола... звонят. Тихий стон пробивается из-под толщи земли...

Вспомнилась эта легенда, когда прочли строчки письма, пришедшего в редакцию: «Здравствуйте! Вот уже полвека я храню эту тайну. 12—13 августа 1942 года в горячеключевских лесах расстреляли политзаключённых. В основном – репрессированных казаков.

Так случилось, что мне, тогда 15-летней девочке, пришлось эвакуироваться с отдельным подразделением НКВД: там служил мой отец. В то время немцы подошли к Краснодару. Заключённых из Краснодарской тюрьмы этапом отправили на Хадыженск. Так мы оказались среди леса, сзади нагоняли полчища врага, сверху фашистские самолеты сбрасывали на нас свой смертоносный груз. У поселка Широкая Балка и случилось то ужасное событие, о котором я и решила поделиться с вами.

Офицеры и члены их семей были отделены от общего потока отступающих, а заключённых увели в лес. Позже командиры нам объяснили: была бомбёжка, в ней погибли все заключённые. Нам показалось это подозрительным. Спустя некоторое время пронёсся слух: заключённых расстреляли.

...Недавно приснился сон: один из этапированных (хорошо помню его лицо) сидит в белой рубахе на подводе, босой, с всклокоченными волосами. Печально смотрит мне в глаза и просит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.